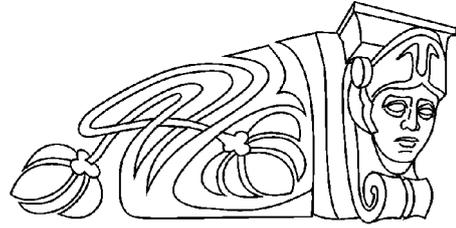

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 264–269
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 264–269
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-264-269>, EDN: MVXXZI

Научная статья
УДК 322(470.44)|19|

Церковь и государственная политика: проблемы взаимодействия (на примере Саратовского Поволжья 1917–1920-х годов)

Ж. В. Яковлева¹✉, В. Г. Петрович²

¹Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

²Саратовский областной институт развития образования, Россия, 410031, г. Саратов, ул. Большая Горная, д. 1

Яковлева Жанна Владимировна кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права, zhanna.yakovleva2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5054-803X>, AuthorID: 907393

Петрович Владимир Глебович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарного образования, petro51@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6629-641X>, AuthorID: 407590

Аннотация. На основе архивного материала характеризуются и анализируются мероприятия советской власти в отношении церкви и верующих в 1917–1920-е гг. Рассматриваются действия, связанные с изъятием церквей у верующих, отъемом церковных ценностей из культовых сооружений Саратовского Поволжья под предлогом помощи голодающим. Приводятся статистические данные по закрытию церквей, количеству изъятых ценностей в регионе. Формулируется вывод о том, что изъятие церковных ценностей сопровождалось привлечением к уголовной ответственности невиновных за их пропажу людей. Предприняты попытки дискутировать на вечную тему добра и зла, самозащиты системы, сокрушающей все на своем пути.

Ключевые слова: антицерковная политика государства, Саратовское Поволжье, 1917–1920-е годы, закрытие церквей, изъятие церковных ценностей

Для цитирования: Яковлева Ж. В., Петрович В. Г. Церковь и государственная политика: проблемы взаимодействия (на примере Саратовского Поволжья 1917–1920-х годов) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 264–269. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-264-269>, EDN: MVXXZI

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Church and state policy: Problems of interaction (based on the example of the Saratov Volga region 1917–1920s)

J. V. Yakovleva¹✉, V. G. Petrovich²

¹Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

²Saratov Regional Institute for Educational Development, 1 Bolshaya Gornaya St., Saratov 410031, Russia

Zhanna V. Yakovleva, zhanna-yakovleva2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5054-803X>, AuthorID: 907393

Vladimir G. Petrovich, petro51@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6629-641X>, AuthorID: 407590

Abstract. The authors of the article, based on archival material, characterize and analyze the measures of the Soviet government in relation to the church and believers in the 1917–1920s. The article examines events related to the confiscation of churches from believers, the seizure of church valuables from religious buildings in the Saratov Volga region under the pretext of helping the hungry. The authors provide statistical data on the closure of churches, the number of confiscated valuables in the region, conclude that the confiscation of church valuables was accompanied by criminal prosecution of innocent people for their disappearance, and also try to discuss the eternal topic of good and evil, self-defense of a system that crushes everything on his way.

Keywords: anti-church policy of the state, Saratov Volga region, 1917–1920s, closing of churches, confiscation of church valuables

For citation: Yakovleva J. V., Petrovich V. G. Church and state policy: Problems of interaction (based on the example of the Saratov Volga region 1917–1920s). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 264–269 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-264-269>, EDN: MVXXZI

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

1917 г. кардинально изменил судьбу всех конфессий, судьбу народа и всей России в целом. В первое десятилетие после октября 1917 г. происходит ломка традиционного религиозного уклада жизни, начинается коренное переустройство всех сторон жизни российского общества.

Антирелигиозная политика советского государства несколько раз меняла свое направление. Устойчивым оставалось желание покончить с религиозным мировоззрением, заменив его на светское, и вытеснить конфессии, существовавшие до прихода к власти большевиков из всех сфер жизни. В новом обществе религиозное мировоззрение должно было уступить место марксистскому, с его «пантеоном богов».

В первые же месяцы после прихода к власти большевиков были изданы нормативно-правовые акты советского правительства, кардинально менявшие отношения государства и церкви, положение церкви и священнослужителей в государстве и обществе.

Декрет от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» был составлен специальной комиссией при СНК и отредактирован В. И. Лениным. Он устанавливал светский характер государственной власти, провозглашал свободу совести и вероисповедания, лишал религиозные организации каких-либо прав собственности и прав юридического лица [1, с. 68]. С первого прочтения декрет был не настолько пугающим, гораздо агрессивнее была Инструкция Народного комиссариата юстиции о порядке проведения в жизнь декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви [2].

Другой, менее известный декрет – «О свободе совести и церковных и религиозных обществах» [3, с. 373–374] – стал официальным актом, положившим начало юридическому разрыву многовекового союза церкви и Российского государства. Позднее положения этого документа легли в основу правовых актов, легализовавших гонения на религию, а также в Конституцию СССР и конституции союзных республик.

Декреты были негативно восприняты представителями всех конфессий. Однако они реализовывались медленно как в целом по стране, так и в Саратовской губернии. Причинами тому были Гражданская война, затронувшая Саратовское Поволжье, территориальное переустройство губернии, отсутствие подготовленных управленческих кадров на местах и др.

Главная же причина состояла в том, что реализовать декреты, коренным образом менявшие положение церкви и верующих, а также религиозный уклад жизни, в короткий срок было невозможно, на это, как показала практика, потребовалось не одно десятилетие.

В Конституции РСФСР, принятой 10 июля 1918 г., религиозная пропаганда, наравне с антирелигиозной, являлась правом любого гражданина (ст. 13, гл. 5, разд. II). Однако в одной из статей

разд. IV, избирательного права в число тех, кто не может избирать и быть избранным, были включены «монахи и духовные служители церквей и религиозных культов». Таким образом, священнослужители были ограничены в своих правах наравне с буржуазными элементами, душевнобольными, преступниками [4].

Так, на общегосударственном уровне закрепились дискриминация священнослужителей. Конституция СССР 1924 г. и Конституция РСФСР 1925 г. эту дискриминацию сохранили.

Социалистическая революция 1917 г. изменила направление исторического развития России, взаимоотношения с церковью как институтом – лишь элемент картины жизни страны. Произошедшие перемены в жизни России потрясли все слои общества и все сферы жизни, а духовная жизнь – это только частичка этих преобразований.

Криминальный мир после октября 1917 г. был тоже сотрясен изменениями и изменился сам, в частности, появился «политический бандитизм». Архивные материалы дают возможность увидеть, как складывались взаимоотношения «бандитов» и коммунистов, которых первые считали виновниками всех бед, происходящих в жизни общества. Из доклада выездной сессии военно-полевого ревтрибунала по Маркштадскому уезду можно узнать, что в 1921 г. произошла череда убийств коммунистов в селениях Тонкошуровского района. Например, в с. Звонаровка коммунистам отрезали уши, пальцы и носы, выкалывали глаза, перерезали горло и бросали трупы под лед р. Караман. В с. Тонкошуровка не добились одного коммуниста, он сумел добраться домой, его жена попросила помощи у тех же бандитов, но бандиты его не пощадили [5, л. 14–14 об.].

Совершенно зверская картина, однако бандит пошел исповедоваться в своих грехах местному патеру, который, как известно, обязан соблюдать тайну исповеди, получается, что совесть все-таки душегуба мучила. Патер (местная церковь была лютеранская) наложил на грешника духовное наказание в виде прочтения молитвы «Отче наш» 25 раз. Как написано в отчете, убийца мог читать молитву тогда, когда ему было это удобно. Автор отчета негодует: «... Можно совершать такие ужасные деяния и получать за них тут же прощение, прочитав только молитву» [5, л. 14 об.].

В отчете также говорится, что духовенство тоже принимало участие в восстании, а иначе как восстанием против системы это назвать нельзя. Да, жестокий, бесчеловечный, но активный протест против коммунистов. Естественно, зло порождает зло: патеров Крафта из с. Тонкошуровка и Бератца из с. Суслы расстреляли по приговору революционного трибунала. Было за что, в 1930-е гг. расстреливали священнослужителей уже за одну неосторожно брошенную фразу об истинности православной веры и готовность

стоять за нее до конца [6, с. 80]. Такие идеологические соперники в новом обществе были не нужны.

Из отчета следует, что «...в каждом из повстанческих сел почти все население принимало участие в бандитизме...» [5, л. 14 об.]. Военно-полевой трибунал расстреливал не всех, а только лишь «самых злостных, ярых зачинщиков и организаторов». Есть статистика расстрелянных по селам Тонкошуровского района, там было расстреляно «всего лишь» 286 чел. (таблица).

«...От высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только того замученного ребенка, который бил себя кулачком в грудь и молился в зловонной конуре неискупленными слезами своими к боженьке» [7]. Данное высказывание принадлежит герою романа «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского, который стремился в своем творчестве решить вечные вопросы бытия. В вышеуказанном отчете написано, что работа продолжается в Маркштадте, а потом продолжится в других районах. Система должна себя защищать, только какой ценой. И могут быть виновны все без исключения жители сел. В Российской Федерации с 16 апреля 1997 г. на применение смертной казни наложен мораторий. Мы живем в свободной и цивилизованной стране.

В сентябре 1918 г местной комиссии по отделению церкви от государства и школы от церкви было поручено в трехдневный срок собрать сведения о каждой церковной организации г. Саратова [8, л. 27].

11 сентября 1918 г в г. Саратов поступила телеграмма из Москвы № 86364, в которой было приказано на основании Декрета СНК от 23 января 1918 г и дополнительной инструкции Наркомюста от 24 августа 1918 г не делать в паспорте отметку о вероисповедании, не допускать

«каких-либо религиозных изображений», религиозные шествия и обряды на улицах и площадях производить только с разрешения местной власти [8, л. 28].

Все религиозные организации в стране находились на строгом учете и контроле. Комиссией по проведению в жизнь «Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви» в г. Саратове на 23 октября 1918 г было зарегистрировано: 62 православные церкви, 1 армяно-грегорианская, 1 община баптистов, 1 лютеранская община, 3 римско-католических, 1 еврейская, 3 мусульманских, 16 старообрядческих, 1 адвентистов 7-го дня [8, л. 60].

В России в 1920-е гг. под предлогом голода 1921–1922 гг., охватившего страну, проводилась кампания по изъятию церковных ценностей. В феврале 1922 г. издается декрет об изъятии церковных ценностей, по которому из церквей и монастырей (касалось всех конфессий) предписывалось изымать все без исключения имущество, имевшее музейную ценность. Вслед за этим церковь обязывают сдать все предметы из золота, серебра и драгоценных камней. Антицерковная кампания шла под лозунгом помощи голодающим.

В Саратове изъятие церковных ценностей началось практически тотчас же, в феврале 1922 г. [9, л. 59]. Кампания в Саратовской губернии, сопровождавшаяся политикой дискредитации и раскола церкви, продолжалась не более трех месяцев и завершилась в мае 1922 г. [9, л. 103].

Саратовский регион являлся и продолжает оставаться уникальным по своему конфессиональному и этническому составу, одной из его особенностей является феномен Автономной Социалистической Советской Республике Немцев Поволжья (далее – АССР НП). Изъятие церковных

Данные по количеству расстрелянных жителей сел Тонкошуровского района АССР НП

№ п/п	Населенный пункт (село)	Немецкое название населенного пункта (поволжско-немецкая колония)	Количество расстрелянных
1	Тонкошуровка	Мариенталь	74
2	Суслы	Герцог	24
3	Крутояровка	Граф	38
4	Раскаты (Раскатовка)	Ролледер	33
5	Осиновка	Рейнгардт	39
6	Старицы	Рейнвальд	24
7	Липовка	Шефер	17
8	Липов-Кут	Фурмановка	17
9	Звонарев-Кут	Шталь	18
10	Луговая Грязнуха	Шульц	2
Итого			286

Сост. по: [5, л. 14–14 об.].

ценностей проходило и в АССР НП. Следует отметить, что Саратовская губерния, а также АССР НП и Пугачевский уезд Самарской губернии в 1928 г. вошли в Нижневолжский край с центром в Саратове, затем на этой территории в 1934 г. образовался Саратовский край, просуществовавший до 1936 г. (в него административно входила АССР НП), который, в свою очередь, в 1937 г. был преобразован в Саратовскую область и независимую от него АССР немцев Поволжья.

Во все кантоны АССР НП в июле 1922 г. поступило указание о необходимости зарегистрировать все секты. Регистрация включала в себя: название секты, сведения о руководителе, наличие устава организации (необходимо было приложить при наличии), место сбора верующих. Все ценное церковное имущество подлежало тщательному описанию и сдаче государству [10, л. 19].

Изъятие церковных ценностей в основном проходило гладко, люди с пониманием относились к проблеме, но иногда оно сопровождалось конфликтом. Так, в Маркштадтском кантоне трудовой коммуны немцев Поволжья по сообщению председателя кантонной комиссии по изъятию церковных ценностей мероприятие проходило параллельно с посевной кампанией, что тормозило антицерковную работу. В лютеранской церкви пастор Кульберг был возмущен приходом комиссии, заявил, что продукты, купленные на вырученные деньги от продажи ценностей, не дойдут до голодающих. Он сообщил, что ранее уже приходили рабочие и интересовались ценностями. Таким образом, напрашивается вывод, что кто-то решил нажиться до прихода официальных представителей власти в данной ситуации. Официальные уполномоченные по изъятию столкнулись с отпором, выразившимся в «недобровольном выделении <...> каких бы то ни было церковных ценностей» со стороны церковного совета и пастора Кульберга [11, л. 477].

Изъятие ценностей в католической церкви того же кантона прошло более спокойно, однако церковный совет сопротивлялся, не хотел отдавать тарелку из серебра, мотивируя свой протест тем, что тарелка для причастия должна быть из полудрагоценного металла и тарелка всего одна [11, л. 477].

В селах Обермонжу и Орловское Маркштадтского кантона комиссия также встретила сопротивление верующих. В с. Орловское незадолго до изъятия произошла кража церковного имущества. Действительно, не стоит забывать, что церкви часто подвергались разграблению. В 1929 г. выйдет Постановление, которое будет четко регламентировать жизнь религиозных объединений согласно ст. 29 Постановления «О религиозных объединениях», которое до сих пор является актуальным в нашей стране с изменениями и дополнениями, «возместить ущерб, причиненный государству порчей или недостатком имущества» должны будут верующие [12].

Таким образом, все начальные и дальнейшие шаги советской власти в отношении церкви и верующих только усугубляли и осложняли жизнь конфессий – все, что предпринималось советской властью, приближало ту антирелигиозную волну, которая в дальнейшем сметет на своем пути церковь, верующих и церковнослужителей, религиозное мировоззрение.

Время, отведенное на изъятие церковных ценностей, было очень ограничено, что влекло неразбериху. Ценности необходимо было изъять, описать, запечатать и отправить в вышестоящую организацию. Были случаи, когда опись и содержимое запечатанной тары не совпадали. Так, например, в Красноярской волости изъяли ценности из церквей и передали в областную комиссию. Согласно описи в запечатанной таре (мешочке) должно было находиться 7 серебряных крестов, изъятых из Михайло-Архангельской церкви с. Чербаево Красноярской волости, но в мешке их оказалось только 6. Неразбериха, суматоха, халатность или крест осел в чьем-то кармане [13, л. 180].

18 января 1922 г. приходит секретный циркуляр, адресованный всем председателям губисполкомов и подписанный Председателем ВЦИК М. И. Калининым, о том, что местные советские учреждения ложно истолковывают новую экономическую политику, связанную с изъятием церковных ценностей, и приступают к обмену, распродаже, распиливанию в прямом значении этого слова ценностей, которые на основании декрета об отделении церкви от государства принадлежат государству [14, л. 3]. Слишком рьяно, как обычно, начали местные партийные функционеры реализовывать Декрет об изъятии ценности и, как обычно, все неправильно поняли.

Отдел управления уездного исполкома Покровского совета крестьянских депутатов писал уездному бюро юстиции (далее – убоюсту) 22 июня 1922 г. о том, что церковная секция при убоюсте не работает, и для разрешения церковных дел верующие обращаются в другие инстанции, что недопустимо «ни политически, ни юридически», и «церковная секция должна приступить к работе» [10, л. 31].

На это губюст получил ответ из г. Покровска, согласно которому комиссии по отделению церкви от государства были в 1919 и 1920-х гг., но работу выполнили, отчитались, копию отчета отправили в губисполком, а подлинники были утеряны. Новые же комиссии создавать теперь сложно и затратно, давайте не создавать [10, л. 31].

В уставе адвентистов 7 дня, кроме миссионерской работы и молитвенных собраний, было прописано распространение соответствующей религиозной литературы. Так как в уставе общины не были обозначены ограничения по возрасту, то отдел управления облисполкома отказал в регистрации данной общины, помолось согласно

постановлению коллегии Народного Комиссариата Просвещения, опубликованному в бюллетене НКВД от 20 сентября 1921 г. № 2, никакого преподавания вероучения для детей, не достигших 18 лет, быть не может, и правом юридического лица подобные общины верующих не обладают [10, л. 14].

Общине баптистов г. Покровска было отказано в регистрации на основании п. 5 «Инструкции о порядке регистрации религиозных обществ», опубликованной в «Известиях ВЦИК» 27 апреля 1923 г., согласно которому община должна состоять не меньше, чем из 50 чел., зарегистрироваться необходимо не позднее 20 июля 1923 г. В числе прочих документов необходим список общины с подписью каждого верующего, без подписи такой документ силы не имел, а с учетом того, что не все были грамотны, условие было практически невыполнимо [10, л. 35].

На Соборе 1923 г. было сказано о том, что собравшиеся обновленцы скорбят о наложении анафемы на советскую власть. Собор признал анафему недействительной, а Тихон был обвинен в контрреволюции и «служил Беллавин не Христу, а контрреволюции» [14, л. 58].

В Народном комиссариате юстиции, существовавшем в советском государстве в 1917–1946 гг., был создан ликвидационный отдел, который занимался уничтожением РПЦ. В дополнение к циркуляру № 25 и циркулярной телеграмме от 1922 г. № 26 Народный комиссариат предложил «во всех случаях возникновения дел о хищении церковных ценностей принимать меры к признанию во время производства предварительного следствия к уголовной ответственности, независимо от фактических совершителей преступного деяния, всех лиц, которые по своему юридическому или фактическому положению являлись хранителями церковных ценностей» [15, л. 289].

В случае отсутствия данных для обвинения «означенных лиц в соучастии в хищении, они должны привлекаться к ответственности за небрежность или неосторожность в хранении этих ценностей» [15, л. 289]. Переводя витиеватый язык большевиков на современный русский язык можно сказать, что это означало полную материальную ответственность за сохранность церковных ценностей, возлагаемую на священнослужителей и хранителей данных ценностей – это в условиях Гражданской войны, неразберихи и грабежей церковного имущества. При проверке церковного имущества от лиц, пользующихся им требовали всю документацию: инвентарные книги, описи, клировые ведомости, которые были составлены до Декрета об отделении церкви от государства [15, л. 289]. Уголовная ответственность предполагалась также за сокрытие, предоставление в испорченном виде означенных документов. Такие дела немедленно должны были передаваться в народный суд.

Для церковных служб выдавалось имущество коллективу верующих в соответствии со строгими правилами, установленными губмузеем [15, л. 3 об.].

В отношении деятельности групп верующих, обществ и союзов, «не преследующих целей извлечения прибыли и надзора за сохранностью и целостностью переданного в пользование групп верующих по договорам имущества, углублен надзор за их деятельностью в порядке распоряжения центра и через представление отчетов и проверкой деятельности на местах» [16, л. 103]. Административным отделом губернского исполнительного комитета был издан сборник «Государство и Церковь», в котором содержался руководящий материал по вопросу об отделении церкви от государства. Сборник активно распространялся [16, л. 436 об.].

В 1921 г. в церкви с. Большая Князевка Саратовской губернии произошел пожар, в результате которого церковный инвентарь был утрачен, снабдить верующих церковным имуществом предлагалось в обмен на этнографический материал [15, л. 6], который очень ценили большевики. Церковные колокола редко возвращали в пользование коллективам верующих. После 1917 г. они стали объектом непрерывных нападков со стороны советской власти. Такие нападки происходили по идеологической, политической и экономической причинам. Одним из первых декретов советской власти был запрещен набатный звон, чтобы исключить возможность призыва к антисоветским выступлениям. Колокола верующим возвращали также в обмен на «церковные ценности старины и искусства», как это предложили сделать в 1921 г. коллективам верующих 10 сел губернии [15, л. 6 об.].

Иконы и другая церковная утварь иногда находились вне церквей, например в часовнях. Такое имущество передавалось в обменный фонд церковной секции губернского отдела юстиции, а часовни ликвидировались.

С сектантами отношения большевиков складывались более толерантно, им часто шли на некоторые уступки до 1929 г, однако деятельность сект находилась также под пристальным вниманием. Так, например, 18 ноября 1921 г. вышел циркуляр Народного комиссариата юстиции № 7320, в котором предлагалось в двухнедельный срок собрать сведения о сектах, существующих в губернии, изучив отличительные особенности каждой секты на основании их уставов [15, л. 27].

После Гражданской войны в условиях нэпа антирелигиозная кампания вновь видоизменилась – это было следующим этапом взаимоотношений государства и церкви. Кампания заметно ослабла, приобрела во многом формальный характер, ее проводили в основном общественные организации, проводили вяло, примитивно. Поэтому особого эффекта она не имела. Данный период называется «религиозным нэпом», в этот

отрезок времени реставрировались пострадавшие церкви и возводились новые [17, с. 226]. Так, например с 1926-го по 1929 г. было выстроено 3 новых православных церкви и 2 мечети (в Аткарском, Сердобском, Вольском уездах) [18, л. 93 об.].

Тем не менее сводка о религиозном состоянии районов по статистике союза воинствующих безбожников за 1929 г. по 17 районам неутешительна: функционировали 230 церквей и молитвенных домов и было закрыто 42 церкви, т. е. 15,4% от общего числа [19, л. 32].

По архивной статистике на 1 октября 1925 г. было зарегистрировано групп и обществ с передачей им молитвенных зданий 1161, количество переданных им зданий – 1039, числилось религиозных обществ, не имеющих молитвенных зданий, – 19. В общее число групп входили следующие религиозные секты: меннонитские – 2, адвентитские – 1, баптистские – 15, молоканские – 17, всего – 35, которые все находились в сельских местностях Саратовской губернии [17, л. 35].

Религиозный нэп завершился в 1929 г. Начался новый период взаимоотношений двух непримиримых полюсов – государства и церкви. Однако религиозная жизнь в Саратовском Поволжье не затихала, несмотря на притеснения со стороны власти, и наоборот, набирала обороты. С 1929 г. в жернова кампании попали все без исключения конфессии. Готовившееся «развернутое наступление социализма по всему фронту» требовало и новой атаки на церковь. Советское руководство пошло на ряд законодательных мероприятий, в том числе на издание Постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г., благодаря которому изживать религию стало намного проще [20, с. 43–48].

Список литературы

1. Декрет СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» // Сборник документов и материалов по истории СССР советского периода (1917–1958 гг.). М. : Издательство Московского университета, 1966. 620 с.
2. Электронная библиотека исторических документов. Инструкция Народного комиссариата юстиции о порядке проведения в жизнь декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви. 24 августа 1918 г. URL: <https://clck.ru/38QZZV> (дата обращения: 16.01.2024).
3. Декреты Советской власти : в 18 томах. Т. 1 : 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. / подготовка к печати: С. Н. Валк, И. В. Загоскина, Л. Н. Растопчина, Ю. А. Ахипкина, Б. Н. Казанцева. М. : Госполитиздат, 1957. XII. 626 с.
4. Конституция РСФСР 1918 г. URL: <https://clck.ru/Uq4PC> (дата обращения: 16.01.2024).
5. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 1 (Фонд Обкома ВКП (б) АССР Немцев Поволжья). Оп. 1. Д. 16.
6. Яковлева Ж. В., Гусева Я. Ю. Церковь в стране советов: государственно-церковные отношения в Саратовском Поволжье в 1920-е – 1960-е годы XX века. Саратов : Техно-декор, 2023. 352 с.
7. Аннотация к книге «Достоевский Ф. М. Слезинка ребенка. Дневник писателя». М. : АСТ, 2015. 352 с. URL: <https://www.labyrinth.ru/books/472315/> (дата обращения: 16.01.2024).
8. Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. Р-546 (Губернский отдел юстиции). Оп. 1. Д. 145.
9. ГАНИСО. Ф. Р-27 (Саратовский губком ВКП(б)). Оп. 2. Д. 832.
10. Государственный исторический архив немцев Поволжья (далее – ГИАИП). Ф. Р-71 (Отдел управления областного исполкома трудовой коммуны области немцев Поволжья). Оп. 1 о/п. Д. 424.
11. ГИАИП. Ф. Р-730 (Областной исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Области немцев Поволжья, г. Покровский). Оп. 1 о/д. Д. 172.
12. О религиозных объединениях: Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. URL: <https://clck.ru/33VKoz> (дата обращения: 07.01.2024).
13. ГИАИП. Ф. Р-730. Оп. 1 о/д. Д. 506.
14. ГИАИП. Ф. Р-730. Оп. 1 о/д. Д. 167.
15. ГАСО. Ф. Р-546 (Губернский отдел юстиции). Оп. 1. Д. 87. Л. 289.
16. ГАСО. Ф. Р-546. Оп. 1. Д. 145.
17. Курляндский И. А. Сталин, власть, религия. М. : Кучково поле, 2011. 720 с.
18. ГАНИСО. Ф. 55 (Нижневолжский крайком ВКП(б)). Оп. 1. Д. 113.
19. ГАСО. Ф. Р-522 (Нижневолжский краевой исполнительный комитет). Оп. 3. Д. 73.
20. Яковлева Ж. В. Постановление о религиозных объединениях 1929 г. и его реализация в Саратовском Поволжье // Современные тенденции развития науки и технологий : периодический научный сборник по материалам XII Международной научно-практической конференции. Белгород : ООО «Эпицентр», 2016. С. 43–48.

Поступила в редакцию 15.12.2023; одобрена после рецензирования 10.01.2024; принята к публикации 10.02.2024
The article was submitted 15.12.2023; approved after reviewing 10.01.2024; accepted for publication 10.02.2024